

Теннадий

Бешкарев

(1917–1995)

МОЕЙ СУДЬБЫ ХРОМАЯ КОЛЕСНИЦА...

ВЕСЕННЕЕ

Как хочешь это чувство назови.
 Весеннею зарёю пламенея,
 Оно в глазах, в дыхании, в крови,
 Всё радостнее, ярче и хмельнее.
 Оно несёт прилив чудесных сил.
 Его приход, мучительный вначале,
 Как будто снова юность воскресил,
 И в сердце снова песни зазвучали.
 И снова снятся золотые сны,
 И так легко на чутких струнах сердца
 Играют пальцы ласковой весны
 Причудливое, радостное скерцо.

НОСТАЛЬГИЯ

Родимый край, ты чаще стал мне сниться!
 О юных днях опять взгрустнулось мне.
 Моей судьбы хромая колесница
 Застряла в азиатской стороне.
 Здесь не шумят берёзовые рощи,
 Здесь не найти твоих озёр и рек.
 В родном краю понятнее и проще
 Живёт и умирает человек.
 Хоть небо здесь и солнечней, и шире,
 И жизнь дана диковинным плодам,
 За уголок в моей родной Сибири
 Я все щедроты Азии отдам.
 Как хорошо в таёжной глухомани,
 Где тишина и вечный полумрак,

Сидеть под кедром.

Были бы в кармане
 Краюха хлеба, трубка и табак.
 Упасть лицом в пахучий бархат луга,
 Припомнить песни, что певала мать,
 Сосновый пень обнять, как шею друга,
 И, утомясь от счастья, задремать,
 Чтоб с новой силой к жизни пробудиться
 И вдруг понять, что лишь приснилась мне
 Моей судьбы хромая колесница
 В далёкой азиатской стороне.

СЛЕД КОЛЕС

Машина вышла из ворот.
 Руки прощальный взмах.
 Ещё не верится... Но вот,
 Внезапной болью скован рот,
 И слёзы на глазах.

Плеснулся грусти жгучий ад,
 Толчками кровь в висок,
 И чей-то смех, и чей-то взгляд,
 Как ледяной воды ушат
 Расчитанно жесток.

Мотора шум ещё донёс
 Капризный ветерок,
 И смолкло всё. Лишь след колёс,
 Тоска, щемящая до слёз,
 Да скомканый цветок.

АПРЕЛЬ

Ещё по небу бродят тучи,
И дождь, как прежде, голосист,
А в почке клейкой и пахучей
Уже наружу рвется лист.
Как будто газовой косынкой
Прикрыв земли хмельную прель,
Сады зелёной паутинкой
Заткал заботливый апрель.
И, словно девочки-подростки,
Обновкой праздничной горды,
Глядятся радостно берёзки
В рябое зеркало воды.

УЧИТЕЛЬ

Едва сметет со школьного порога
Ночную тишь настойчивый звонок,
Подчеркнуто-подтянутый и строгий
Тыходишь в класс привычный дать урок.
Сухой кивок. Короткий всплеск движенья,
И замер вдруг большой и шумный класс.
И вот уже мерцает напряженье
В тугих зрачках озорноватых глаз.
Их тридцать семь – мучительно несхожих
Характеров, привычек и манер,
Но ты им всем внуши одно и то же,
Один и тот же объясни пример.
Спешу проникнуть в тайны их желаний,
Направь их, посоветуй, расспроси,
От каждого добейся прочных знаний,
Огонь раздора мудро погаси...

Да что скрывать! – Таких огней немало
Случалось в жизни каждою из нас,
И наша юность так же бушевала,
И те же слёзы брызгали из глаз.

Нет, не легка учительская ноша!
Порою нервы – словно боли ком,
И всё-таки с улыбкою хорошей
Ты должен говорить с учеником.

Их – тридцать семь.
Им тесно на планете,
И все они – Гагарины слегка,
Но говорят: «Учитель, ты в ответе
И за внешкольный шаг ученика!»

Ответственности нечего бояться,
Но разговор сегодня не о том:
Тебе же дня не хватит постучаться
И заглянуть хотя бы в каждый дом!

А ты идёшь, беседуешь с парнишкой,
Хоть и устал, и на дворе темно,
А мать его сидит порою с книжкой
Или с супругом собралась в кино...

Но у тебя, быть может, тоже дети
И в выдумку, и в шалость влюблены.
Выходит, и за них другой в ответе
Перед высокой совестью страны?

Но ты – отец! Тебя тревожит сон их!
Они – твоя забота, долг и честь!..
А сколько ты провел ночей бессонных,
И сколько книг не успевал прочесть!

Не ведая ни отдыха, ни срока,
Ты дорожишь минутою любой,
Чтоб отточить стратегию урока
И завтра в классе снова быть собой.

И только там, когда в глазах мальчишки
Зажжётся мысли светлый огонек,
Ты вдруг поймёшь,
Что и устал не слишком,
И трудный путь твой светел и широк.

ТУЧА

Туча кинулась дню на шею
И расплакалась, как о покойнике.
День нахмурился, тяжелея,
Вымолвил туче: «Спокойненько!

Вытри слева. Не плачь, молчи.
Перестань же мокнуть, глупая!»

А из тучи льются слёз ручьи,
Серебрясь, звеня и хлюпая...
День расстроен. Не знает он,
Как утешить, рассеять лучше,
Но случайно выпала солнца ладонь
Из кармана заплаканной тучи.

В жарких лучах высыхает слеза, –
Солнце цветёт горячо!
И туча, стыдливо потупив глаза,
Оставляет дня плечо.

Вздыхнул, посветлел
Облегчённый простор,
Ветром колыша лес,
И заботливо туче лицо утёр
Голубым полотенцем небес.

ВЫЗОВ

Нежный вызов прочёл я во взор твоём.
Но плеснулся сомнений глухой водоём,
И улыбкой тебе я ответить не смог
Под наплывом
Безрадостных дум и тревог.

Знойный взгляд твой
Дразнил меня вызовом вновь,
Но обиженно выгнулась тонкая бровь,
И задумчивой стала улыбка твоя,
И ушла ты, досаду в душе затая...

Не печалься!
Забудется горечь минут.
Много встреч еще годы тебе принесут.
Нежный вызов твой
С радостью примет другой,
Не надломленный жизни
Студёной пургой.

Ты дитя ещё!
Всё у тебя впереди.
Будет счастлив другой у тебя на груди,
Только плод незрелый
Срывать не спеши,
Сохрани чистоту непорочной души.

Мимолётные встречи не много дадут,
Не насытит души твоей сладость минут,
Только горечь тоски
И раскаяний чад
Преждевременно душу твою омрачат.

ДРУГУ

Мы снова вместе!
Радость красит лица,
В душе – весна, и мир светлей вокруг!
Какое чувство с дружбою сравнится?
Какое слово краше слова «друг»?

Пусть за окном студёная пороша,
И ветер стонет, землю леденя, –
Ты снова рядом, скромный и хороший,
Мой лучший друг, ты снова у меня!

Пусть говорят, что мы совсем не схожи,
Ты этим бредням верить не спеши.
Что может быть желанней и дороже
Тепла и света дружеской души?

Нет, не распалась нашей дружбы глыба!
И хоть за дружбу не благодарят,
Ты всё-таки прими мое спасибо,
Товарищ мой, соратник и собрат!

УГАР

Рассыпаясь звёздную порошею,
Ночь взмахнула бархатным крылом.
Что же ты молчишь, моя хорошая,
Голову склоняя над столом?

Почему вино не убавляется,
Алой кровью в рюмке загустев?
Слушаешь, как скрипка надрывается,
Выводя тоскливый свой напев?

Может, оттого, что здесь накурено,
Шумно и тревожно в этот час,
Ниточки бровей твоих нахмурены
И тускнеет свет усталых глаз?

Может быть, раскаяньем томимая,
Ты теперь тоскуешь о другом?
Тень печали еле уловимая
Обвила глаза твои кругом,

И морщинки грустные и милые
Под глазами выдались сильнее...
Я твоих желаний не насиую
Страстью необузданной своей,

Не терзаю ревностью и жалобой,
Подозрений в сердце не таю.
Может, мне умерить не мешало бы
Эту нежность глупую мою?

Чокнемся! Я буду пить стаканами
За тебя, за радость наших встреч!
Может быть, меня, такого пьяного,
Ты от хмеля хочешь уберечь?

Вон, скрипач кивает нам украдкой, –
Скрипка плачет для твоих ушей! –
Пей вино. Оно такое сладкое!
От него теплее на душе.

Оба мы молчим, грустим и маемся...
Ты меня о чем-нибудь спроси!
Хочешь, мы с тобою покатаемся
Ночью по Ташкенту на такси?

На моих коленях сладкой ношею
Отдохнешь, не закрывая глаз.
Пусть шофер с улыбкою хорошею
Смотрит через зеркало на нас.

Сыплются алмазною порошею
Звезды на асфальтовый простор,
И на нас с улыбкою хорошею
Смотрит через зеркало шофер.

ПЕГАС

Она ушла, понурый мой Пегас,
Ушла на зов холодного рассудка.
Как будто ночь, и вдруг огонь погас,
А в темноте так холодно и жутко.

Что ж делать нам,
Мой старый, верный конь!
Давай, как встарь, попробуем забыться,
Прошли с тобой мы воды и огонь,
И ты летал не хуже вольной птицы.

Носил меня послушно много раз
В неведомые сказочные страны...
И как же ты, мой опытный Пегас,
Не уберёг теперь меня от раны!

Тебе меня бы во время лягнуть,
Насыпать в мёд щепотку злого перца,
А ты дремал!
И чёрной грусти муть
Вползла змеёй в доверчивое сердце.

Так шевелись, понурый мой Пегас, –
Ты одряхлел, я вижу, не на шутку! –
Тебе ль понять, что мой огонь погас,
А в темноте так холодно и жутко?..

ПОСЛЕДНЕЕ

Не зови, я к тебе не вернусь.
Нежных писем ко мне не пиши.
Улеглась моя прежняя грусть
В тайниках исцелённой души,

И не трать красноречия зря:
Мы друг друга ни ночью, ни днём,
На одном языке говоря,
Никогда и нигде не поймём.

Позабудь о былом и не плачь,
Свою женскую слабость кляня.
Ты хороший, ты опытный врач,
Ты должна быть сильнее меня.

Но письмом, что я трижды прочёл,
Ты былого вернуть не смогла,
Только роем встревоженных пчёл
Память душу мою обожгла.

Только боль позабытых тревог,
Только горечь ненужной тоски

Почерпнуть я в письме твоём мог,
Разрывая его на куски...

Нет, не зря улыбалась заря,
Не для нас она вспыхнет опять, –
На одном языке говоря,
Мы не сможем друг друга понять.

ОСЕННЕЕ

Задумчиво ветвями шевеля,
Укутав пылью зябнущие ноги,
Последний лист роняют тополя
На серые, унылые дороги.

Пришла пора печей и зимних рам,
Дохнули трубы первыми дымками,
Уже не греет солнце по утрам,
И птицы не поют под облаками.

Обозы хлопка тянутся с полей,
Вода в арыках медленнее льётся,
И слабый крик последних журавлей
Невольной болью в сердце отдаётся.

Как эта осень стала мне сродни!
Еще недавно молодая сила,
Сжигая щедро солнечные дни,
Меня по свету радостно носила.

Знакомы мне удмурты и мари,
Соленый вкус балтийского тумана,
Кавказ дарил мне золото зари,
Простор давали степи Казахстана.

Но вот померк беспечных дней накал,
И правда с вымыслом уже готовы к бою
Какую правду в мире я искал?
Какие цели ставил пред собою?

Я людям песни подарить хотел
О подвиге, о доблести, о счастье...
Кто в юности душою не был смел,
Кто не горел надеждой и участием?!

Но жизнь ломала каждого из нас,
И мы – рабы, от века и поныне,
И знаю я, что мой тревожный глас
Был гласом вопиющего в пустыне.

Вот почему осенняя пора
Рождает грусть ненужного упрёка,
Но не вернуть ушедшего Вчера,
И Завтра будет так же одиноко,

Вот потому
И мысли жалят злей,
И оттого так горько песня льётся,
И слабый крик последних журавлей
Невольной болью в сердце отдаётся...

